

РИД СОЛГРЕТ

Побеждая смерть

Post mortem

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Серийное оформление — Леонид Балацкий
Иллюстрация на обложке — ЗАПИЛИМ (ZAP)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Солгрет, Рид.

С60 Побеждая смерть. Post mortem: [роман] / Рид Солгрет. —
Москва : Издательство АСТ, 2027. — 352 с. — (Броманс тайм).

ISBN 978-5-17-189653-9

Эдвард Сиэл — гениальный учёный. Его невеста — самая завидная партия Кентербери. Его жизнь безупречна. Но у Эдварда есть тайна, которую он готов защищать любой ценой. Тайна по имени Лиам Моррис. Его друг. Его душа. А теперь — его творение. Его триумф.

Эдвард вернул Лиам с того света. Но сейчас должен жить с последствиями. Чем больше времени проходит, тем сложнее Эдварду контролировать то, что он создал. И тем страшнее становится вопрос: кто из них двоих на самом деле монстр?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189653-9

© Р. Солгрет, 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Playlist

You want it all — Rasmus
Gone with the tide — Elliot Tordo Erhu
My heart, your hands — Dommin
The real you — Three days grace
Lifetime — Three days grace
Tactile — Mesh
Мне однажды снился сон — polnalyubvi
Твои глаза — polnalyubvi
Прости — polnalyubvi
Dying to love — Bad Omens
Six Feet Underground — Lord of the lost
Only Better — Mesh
What we have done — Fixation
Winter's Kiss — Malrun
Ordinary friend — Bob Moses
Something devilish — Michael Night
Part of me — Black Lab
Road — Black Lab
Give it all to you — Black Lab
Afraid of the Dark — Orion White
This night — Black Lab
I believe — Era
Slowlove — Blackbook
The end is not the answer — Three days grace

Глава 1

Домой мы не вернулись...

Февраль 1825 г.

Дувр

Вокруг было только бесконечное поле холодного белого снега, кристаллы которого переливались синим и зеленым в лучах декабрьского солнца. Оно тускло светило сквозь серые облака, не грело, а скорее замораживало все вокруг еще сильнее, хоть и слепило ненужными яркими бликами. Из-под сугробов торчали тонкие голые деревья и кусты, несчастно покачивающиеся на ветру и готовые надломиться в любой момент. Сухие, почти неживые, они забыли о весне, о цветении, о жизни и возвышались над ледяным покровом, словно чей-то безмолвный памятник, как безымянное обозначение чьего-то последнего пристанища.

Пустота, простирающаяся вперед до горизонта, заволаживала. Иногда возникало какое-то совершенно ребяческое желание упасть в эту безграничную белизну и позволить покалывающим льдинкам вонзиться в кожу, но, с недавних пор обострившийся, инстинкт самосохранения стал порождать в глубинах организма панику. В ответ на такие желания интуиция больно была по вискам, и Лиам учился быть аккуратнее и ос-

мотрительнее. Случись что, ему придется решать все свои постмортальные проблемы самому.

Где-то далеко виднелась черепичная темно-красная крыша соседского дома, и, если бы не он, можно было бы подумать, что в радиусе многих километров, кроме этого одинокого созерцателя зимних пейзажей, нет больше ничего. Наблюдать, как быстро закатывается декабрьское солнце, доставляло ему какое-то ни с чем не сравнимое удовольствие, и лишь озноб обычно мог загнать Лиам обратно в дом.

Черные глаза прищурились, в последний раз уловив слепящие лучи, образовав вокруг чуть покрасневших глаз едва заметную сетку морщин. Чувствовать себя живым благодаря холоду было делом опасным, но Лиам силой воли заставлял себя вернуться в новую обитель.

Слишком пустую и слишком ледяную для него одного. Каждый шаг Морриса глухо и одиноко раздавался по всем двум этажам. Лиам застывал посреди пустых коридоров и прислушивался, но к нему никто не спешил. Дом, конечно, не был абсолютно пустым. Он был заставлен дорогой, но уже никому не нужной мебелью, чуть запылившейся с тех пор, как ее богатый хозяин, лишившись семьи, бросил своей особняк на произвол судьбы и уехал во Францию.

Моррис вспомнил день, когда впервые переступил порог своего нынешнего дома в промозглом и ветряном Дувре, который за это недолгое время уже успел возненавидеть всей душой. В тот момент он не представлял, что будет делать дальше и как будет жить. Все происходящее по-прежнему воспринималось как сон — то ли кошмарный, то ли приносящий облегчение. Он видел

тени, которые метались по первому этажу и должны были помогать ему, но на самом деле просто мешали и не давали сосредоточиться. Наверное, именно тогда Моррис начал *слушать* себя. Свою интуицию, свой организм.

Но тогда все его нутро словно сходило с ума. От гнева, который кипел в нем не меньше, чем кровь. Жизнь, вселенная, судьба, кто угодно еще — давали *им* второй шанс. Чувства, взращиваемые им столько лет, умоляли Морриса не упустить все снова, быть благоразумнее и рассудительнее, а именно этого всегда ему так сильно не хватало.

Но сейчас он был один. Наедине с февралем.

Лиаму было сложно это признавать... Сложно и странно, но справляться с эмоциями было подчас непосильным трудом. Казалось, со вновь обретенной жизнью все страсти, которые всегда так ловко обходили его в прежней жизни — по крайней мере Моррису так казалось, — теперь с новой силой обрушились на него. С силой, сравнимой с безумным потоком оглушающего водопада. Это началось еще тогда, в Кенте, когда Лиам впервые почувствовал, как его омертвевшие сосуды оживают и распрямляются.

Артерии, практически растворившиеся в эпителии, сначала остановились в своем превращении в прах, а затем — постепенно восстановили свою эластичность, пропуская ярко-красную кровь дальше в органы. Вместе с ней по организму толчками путешествовали эмоции и чувства, воспоминания и желания. Словно каждый новый удар сердца возвращал ему воспоминания, о которых он успел позабыть или которые считал неважными.

Порой Моррис ощущал себя еще более неуправляемым, чем когда-либо до своей смерти. Теперь, оглядываясь на свою прошлую жизнь, он с удивлением понимал, что нередко был просто невыносим. Для матери, отца, Рут, многих своих приятелей и, конечно, для него — для Эдварда.

Он был просто не способен учиться на своих ошибках. Да и как можно что-то исправить, когда для этого нужен тот, кто ему бы помог. Одному всю тяжесть смерти не одолеть. Лиам усмехнулся: жизнь дала еще один шанс, чтобы все повторилось заново. Какая ирония. Самое время злиться на себя, но не жалеть. Нет, жалеть он себя не собирался.

Он даже научился готовить себе простую еду, чего никогда до этого в *той* жизни не умел и не хотел делать, — и с каждым разом блюда становились все съедобнее. Протапливанием дома и снабжением водой занимался Уильям — молчаливый высокий и худой мужчина пятидесяти лет, который сопровождал Лиам из Кентербери в Дувр и взял на себя задачи лакея и камердинера во время его своеобразной ссылки. Уильям был незаметным, но ответственным, поэтому Моррис ни в чем не нуждался, но с каждым днем ощущал себя всё несчастнее.

Несколько раз в неделю мимо них проезжал мистер Уоллберри — невысокий и полный джентльмен шестидесяти лет, счастливый глава большой семьи и обладатель того самого дома, который стоял рядом с особняком Лиам. Время от времени он привозил Моррису необходимые продукты. Добродушный сосед всегда мило улыбался, отчего Лиаму казалось, что мистер

Уоллберри с неким сочувствием рассматривает его. Но все семейство было чрезвычайно тактичным, и покой Морриса они никак не нарушали.

Хотя причина для пристальных взглядов все же была.

Однако Лиам чувствовал себя каждый раз чуть лучше и спокойнее, когда смотрел на себя в зеркало. Еще четыре месяца назад он видел там нечто, что Эдвард притащил с кладбища и попытался оживить, но теперь...

Нет, не все было отлично. Иногда Морриса рвало, иногда он мог забыть поесть и при этом чувствовал себя замечательно и даже бодро. Иногда с его тела белым слоем слезила кожа, оставляя после себя покрасневшие пятна, но, к его великому счастью, через несколько дней всё приходило в норму. Хоть поврежденные участки его тела так и остались чуть краснее, чем все остальные, все же восстановление можно было назвать вполне удачным.

Почти ничего не мокло, хотя ему приходилось быть осторожным: слишком резкие движения приводили к появлению то совсем мелких, то досадно больших ссадин, которые подолгу кровоточили, и это заставляло Лиам паниковать. Он не раз просыпался оттого, что простынь становилась липко-теплой. Иногда Моррис терял сознание по какой-то непонятной ему причине и находил себя совершенно в другом месте или позе. Ему пришлось научиться себя бинтовать, и иногда ткань, обмотанная вокруг его запястий или шеи, намертво приклеивалась к коже. Немалая часть воды уходила на то, чтобы отмочить ее.

Морриса охватывало отчаяние каждый раз, когда он отстирывал марлю в тазу, полном холодной розовой воды, но осознание того, что жидкость, проливающаяся из его ран, была красной, заставляло его улыбаться. Ногти все еще были синими, а глаза — розоватого цвета, но хотя бы не черного. Ужасный темный цвет сначала сменился темно-бордовым, а затем светлел с каждым днем, и Лиам надеялся, что однажды его глаза полностью приобретут человеческий вид.

На впавших щеках шрамы от зашитых ран были едва заметными — нужно было сильно приглядеться, чтобы распознать их. Стежки были аккуратными, и Лиам с благодарностью вспомнил те руки, которые заштопали его. Лицо было худым, как и все тело. Прошло очень много времени, прежде чем изможденность осталась единственной особенностью, которая сразу бросалась в глаза.

Все это и подметил мистер Уоллберри, когда рядом с ними появился необычный сосед, что не могло не тронуть и сердобольную миссис Уоллберри. Она постоянно отправляла мужа с домашней едой к порогу мистера Морриса, который, по их мнению, страдал редким недугом.

Но что действительно было скверно — это состояние его левой стопы. Мышцы, заканчивающиеся над голеностопным суставом, затянулись тонким слоем кожи, не гнили, не кровоточили и вообще никак не мешали Моррису жить, но сама стопа так и осталась оголенными сушенными костями. Именно поэтому искалеченную ногу Лиам тщательно прятал под брюками и носками.

Он старался решать свои проблемы самостоятельно, не привлекая к этому Уильяма. Моррису не хотелось быть беспомощным и слабым в глазах других людей, пусть даже если это всего лишь камердинер, который относился ко всему весьма равнодушно. Время от времени Лиам даже предлагал Уильяму посильную помощь: принести воды или похозяйничать на кухне, но тот мягко и тактично напоминал Моррису о его неидеальном здоровье и, не моргнув глазом, сам решал все бытовые проблемы.

Спал Лиам всегда в одежде, укутавшись в толстый плед. Он уже не мог вспомнить день, когда ему не было бы зябко. Даже если окна были закрыты, а камин тщательно протоплен Уильмом, Морриса часто трясло от холода. Руки и ноги невозможно было согреть самой горячей водой. Постепенно он смирился с этим, и свое заиндевшее состояние воспринимал по-философски, ожидая, что согреется лишь весной. Главное, чтобы она наступила.

Сначала Морриса удивляло, что он так быстро отвык от светских раутов, встреч с приятелями и карточных игр, но потом новая жизнь, в которой были лишь тишина и уединение, стала казаться единственно возможной. Только так Лиам смог наконец услышать себя и свой голос, который столько лет не мог пробиться сквозь посторонний шум. Ему нужно было выговорится, столько всего сказать, но гости в его новом доме были очень редки.

Его спасало пианино, брошенное прежним хозяином дома. Иногда Моррис просыпался в пять утра, спускался на первый этаж, опираясь на изящную трость с на-

балдашником из слоновой кости, садился за инструмент и подолгу играл на нем. Тонкие бледные пальцы плавно касались поочередно черных и белых клавиш, заполняя холодный дом печальными звуками. Дом не отзывался. Гордо молчал, словно испытывал Морриса на прочность, то и дело напоминая ему о бесконечном и вязком одиночестве.

Звук отражался от стен и возвращался в размеренно бьющееся сердце, обволакивая его, укутывая и убаюкивая все печали. Клавиши уверенно вдавливались, вырисовывая то надоедливый полонез, который давно, так давно Изабель Моррис учила играть своего сына, то грустный вальс, который мог быть прекрасным музыкальным сопровождением для трагичного расставания. Лиам любил уроки музыки, к счастью. Ведь теперь никто, кроме пианино, не разделял с ним его странную участь.

Пианино было очень старым и обшарпанным. Его левый угол был обмотан густой серой паутиной, которая тянулась высоко под темный потолок. Инструмент разваливался, как и дом. Как и сам Лиам. Впрочем, лишь со временем Моррис понял, что все не так уж и плохо: время делало свое дело, оно его лечило, а разваливался он скорее душевно. Грустные мелодии коротали его вечера, но быстро надоедали.

К счастью и большому удовольствию Лиамы, бывший владелец дома был человеком грамотным и начитанным, потому библиотека занимала огромный кабинет. Там можно было найти собрания философских трудов древних греков, Вольтера, Руссо, пьесы Шекспира,

в том числе «Гамлета», которого Лиам любил особенно сильно.

Моррис взял с полки книгу в темно-синем тканевом переплете и, покрутив ее в руках, открыл на случайной странице. Посреди пятого действия Гамлету и Горацио понадобилось выяснять, что же делается со всяким человеком после смерти. «Александр умер; Александра похоронили; Александр превратился в прах»¹, — торжественно распинался принц датский. Рассердившись, Лиам захлопнул книгу и поставил ее обратно на пыльную полку.

На глаза Моррису попались произведения Вальтера Скотта и неизвестный Лиаму автор Мэрри Шелли. Моррис покосился на название, которое обещало историю про Прометея, но потянулся за той, которую пытался однажды отобрать у Эдварда. «Легенды и мифы древней Греции».

Обычно, определившись с книгой, Лиам подолгу сидел в плетеном кресле в самой большой спальне возле широкого окна с белыми переплетами, за которым то и дело пролетали веселые маленькие птички. Но даже они иногда выводили Лиаму из себя. Какое это счастье, просто взять и отправиться куда твоей душе угодно!

Чем больше Моррис наблюдал за птицами, которые были так безмятежно и искренне рады даже скупому зимнему солнцу, тем сильнее становилось его желание вернуться в Кентербери. Когда его впервые посетила эта мысль, Лиам с раздражением отмахнулся от нее. Злость все еще переполняла его, но она уже потеряла

¹ У. Шекспир. Гамлет, Действие V, пер. Н. Маклаков.

свою прежнюю силу, и иногда Моррис сам поражался тому, как можно было так выйти из себя, чтобы заехать в Дувр!

Вместе с зимой уходило его мрачное унылое настроение, сменяясь желанием покончить с добровольным заточением. Потому каждый день он вслушивался в звуки дома, но радость Лиамы сменялась разочарованием. К нему изредка заходил мистер Уоллберри. Скрип колес, когда тот возвращался домой, Моррис знал уже слишком хорошо. Когда за покупками в город ездил Уильям, звук его приближающейся или отдаляющейся кареты тоже нельзя было ни с чем перепутать, хотя Моррис иногда обманывался, принимая шум ветра за приближающиеся к дому шаги.

Сны к нему приходили непрошено, и Лиам искренне удивлялся, когда это были не кошмары. Сначала казалось, что ему снится пустота, черная и бесконечная. Но чем сильнее Моррис напрягал зрение, тем отчетливее начинал видеть образы, размытые тени. Они плыли вокруг него, распадаясь на темные обволакивающие нити, которые подбирались к бледным запястьям Лиамы. Он сначала дергался, пытаясь выкрутить руки из хватки тьмы, но как только она касалась его, что-то странное начинало происходить с его разумом и телом.

Казалось, что ему под кожу что-то проникает. Ощущения не были холодными или неприятными. Они были всепоглощающими и странным образом успокаивали Морриса. И уже через секунду он сам тянулся к выворачивающему наизнанку чувству. Когда расстояние между ними сокращалось, он понимал, что это была

тень человека. Тень, которую он никак не мог хорошо рассмотреть. Ее черты и линии ускользали от него...

Каждый раз Моррис просыпался растерянный. Он долго разглядывал свои руки, на которых не было ни следа от кошмара, и затем задумчиво потирал запястья в надежде, что это хоть как-то поможет ему, но в чем именно, он не знал. Постепенно сны перестали быть изматывающими. Они стали скорее тревожными, изводящими, как будто вселенная хотела ему что-то сказать, но оставляла последнюю фразу незавершенной. Необходимость искать ответы в самом себе раздражала, словно сам Лиам и был причиной всего случившегося. Можно было бы корить себя за опрометчивость и глупые поступки, но не он один был виноват во всем произошедшем. Эта мысль почему-то успокаивала его.

Со временем его начал мучить один и тот же сон: он видел, как дверь его дома открывалась, а оттуда, из слепящих глаза солнечных лучей появлялась неясная тень, которая медленно, но все больше приобретала знакомые очертания, пока взгляд Морриса не падал на ботинки с маленькими, аккуратными золотыми застегжками, которые он бы ни с чьими не перепутал. Но никогда его гость не успевал полностью выйти из света, и лицо Моррис разглядеть не мог.

В один прекрасный день Лиам проснулся ужасно раздосадованным и злым. Сначала он долго мерил комнату широкими, как ему казалось, шагами. На деле же он хромал, выстукивая тростью какое-то подобие марша. Наконец он разозлился, упав на кровать и запустив тростью в противоположную сторону комнаты, поздно

